

УДК 82.398

С.С. Динисламова

Поэтика мансийского фольклорного текста «Медвежья песня о городском богатыре»

Аннотация. В традиционной культуре обских угров образ медведя имеет огромное значение. Культ медведя особенно ярко прослеживается в обряде медвежьего праздника. Нами раскрывается поэтика фольклорного текста, считаем, что объяснение табуированной лексики и образительно-выразительных средств мансийской поэтической речи может дать русскоязычному читателю более ясные представления о национальной культуре манси, как исторической и общечеловеческой ценности. Также считаем, что работа такого содержания способствует сохранению сущностных символов целостной системы традиционной культуры.

Ключевые слова: медвежья песни, И.И. Авдеев, «Песни народа манси», Отыр, город-крепость, Городской богатырь, манси, Усынг-отыр, медведь.

S.S. Dinislamova

Poetics of Mansi folklore text «Bear song about the town hero»

Summary. The image of the bear has a great importance in the traditional culture of Ob-Ugric people. The cult of the bear is vividly apparent in the ceremony of bear's holiday. We reveal the poetics of folklore text and consider that explanation of taboo vocabulary and graphic and expressive means of Mansy poetic speech can give to Russian-language readers more clear understanding about national culture as historical and all mankind value. We also consider that work of such content promotes to saving of essential symbols of complete system of traditional culture.

Keywords: bear's songs, I.I. Avdeev, «The Songs of Mansy people», Otyr, town-fortress, town's bogatyr, Mansy, Usyng-Otyr, bear.

В 1936 году И.И. Авдеевым был издан сборник «Песни народа манси», в котором представлены переводы на русский язык подлинных мансийских песен, исполняемых на медвежьих игрищах. Все переводы близки к оригиналу, сделаны на высоком поэтическом уровне, с точной передачей образности мансийского фольклорного языка, с соблюдением всех его стилистических особенностей. Об этом в предисловии книги Э.И. Мальцевой «История изучения мансийского фольклора отечественными исследователями» (2000) Е.И. Ромбандеева пишет: «Судя по тому, как гениально перевел он (Авдеев) исключительно архаичный, сложный, образный текст «Медвежьих песен» на русский язык – четко, понятно, ясно, – без опасения следует утверждать: И.И. Авдеев был талантливым поэтом, масте-

ром-переводчиком поэтического грамматически трудного мансийского текста на русский язык. Более того, он в переводе сохранил поэзию и поэтичность языка-оригинала, раскрыл структурную особенность строя мансийского языка и отразил его в русском переводе» [1, 3]. Подчеркивая талантливость переводчика, Е.И. Ромбандеева как носитель языка и традиционной культуры отмечает, что на основе переводов песен, если потребуется, несложно возродить оригинал мансийских текстов. (В книге И.И. Авдеева тексты-оригиналы отсутствуют.) Действительно, И.И. Авдеев в своей работе очень профессионально подошел к решению проблемы перевода, в его текстах в неизменной форме остался национальный колорит произведений, то, что отличает фольклор обских угров от фольклора других народов.

В своей статье мы раскрываем поэтику фольклорного текста, считаем, что объяснение табуированной лексики и изобразительно-выразительных средств мансийской поэтической речи может дать русскоязычному читателю более ясные представления о национальной культуре манси, как исторической и общечеловеческой ценности. Также считаем, что работа такого содержания способствует сохранению существенных символов целостной системы традиционной культуры.

В целом, в традиционной культуре обских угров образ медведя имеет огромное значение. Культ медведя особенно ярко прослеживается в обряде медвежьего праздника. У хантов и манси праздник во многом схож. Отличия состоят в отдельных песнях и танцах, посвященных конкретным духам-покровителям, а также связанных с тем или иным родом, семьей. Медвежьи песни – это обрядовые произведения, изложенные в стихах, повествующие о происхождении и приключениях зверя. Исполняются песни перед началом сценок – игры артистов в берестяных масках. Песни поются мужчинами, одетыми в шелковые халаты и остроконечные шапки. Они поют, взявшись за мизинцы, поднимая и опуская руки в такт песни, таким образом кланяясь медведю. Е.И. Ромбандеева отмечает, что на празднике, устроенном в честь медведицы, исполнителей должно быть четыре человека и количество исполняемых песен – четыре; медведя-самца воспевают пять человек, соответственно число песен – пять. Т.А. Молданов считает, что «обычно песни поют по три, пять или семь человек» [2, 8]. Исследователь приводит сведения, что медвежьи песни подразделяются на зимние, весенние, летние, осенние. При этом в каждый отдельно взятый день медвежьего праздника исполняются песни конкретного времени года.

Итак, обратимся к тексту «Медвежья песня о городском богатыре». Текст песни записан И.И. Авдеевым от Николая Гындыбина, 36 лет, жителя Овырьинских юрт (Овырья павыл) с реки Северная Сосьва. По классификации – песня о героях-охотниках на медведя.

Живет старик – городской

богатырь в крепости,

Окруженной железными стенами,

Окруженной деревянным частоколом.

Еще с малолетства был прекрасный охотник:

Не пропускал он мимо себя ни одного зверя,
Бегающего по земле,

Не пропускал он мимо себя ни одной птицы,
Летающей в воздухе.

«Городской богатырь» в переводе на мансийский язык «Усың-отыр бйка». В тексте речь идет о конкретном персонаже – богатыре Усың-отыр бйка. По фольклорным данным, предки манси впервые познали медвежьи пляски от людей его рода. Однако в некоторых мансийских деревнях существовал запрет на проведение праздников, особенно в тех местах, откуда была видна гора Нёр бйка.

Е.И. Ромбандеева на основе изучения преданий северных манси пришла к выводу, что на территории Западной Сибири род Усың-отыр бйки являлся одним из древних, такими же древними считались Мис мэхум и род Тонтон бйки. Люди рода Мось и Пор поселились в этих краях значительно позже. Однако в другом предании говорится о том, что Усың-отыр бйка является свекром Мосьнэ – женщины из рода Мось. Мосьнэ по совету Порнэ снимает с неба солнце и луну и заносит в дом, прикрепляет их у своих нар. Свекор Усың-отыр бйка выходит на улицу, а там «полный мрак, туда ткнется, сюда ткнется, нет пути, нет жизни...» [3, 21].

С именем Усың-отыр бйки связано и начало обряда медвежьего праздника у манси. После того как охотники добывают медведя и вытаскивают его из берлоги, они отходят на время, а когда вновь возвращаются, то говорят: «Ну вот, мы старались-старались, оказывается это мохнатая собака Усың-отыр бйки...». Такое «непризнание» повторяется четыре-пять раз, в зависимости от того, добыли самку или самца.

Итак, Усың-отыр бйка – предводитель одного из мансийских родов, владеющий городом-крепостью. Его поселение окружено деревянным частоколом. Синонимичным выражением «Окруженной железными стенами, / Окруженной деревянным частоколом» подчеркивается прочность, крепость городской стены – хоть она и деревянная, но крепка как железо. Для чего в прошлом нужны были столь крепкие заграждения? Конечно же, и для спасения от

диких животных, и от набегов соседних враждебных племен.

Герой Усың-отыр ойка – отменный охотник и отважный воин. Таковыми являются и все мужчины, проживающие в его городе-крепости.

Однажды в жаркое длинное лето,
Однажды в жаркое комариное лето,
Настает хорошее время для тормовки.
Отправляется мужчина на тормовую
реченьку,

Река извивается, как гусиные кишки,
Река извивается, как утиные кишки.

Летом, с наступлением июльских знойных дней, наступает и удачное время для охоты на крупного зверя. Об этом знает каждый охотник-манси. В это время звери в поисках спасения от жары и таежного гнуса, приносящего им невероятные страдания, перебираются на обдуваемые ветром участки рек и речушек. Зная повадки зверей и свою территорию, охотники отправляются на места промысла – на «тормовые реченьки».

Река образно сравнивается с гусиными, утиными кишками. Сибирские речки имеют множество поворотов, и если взглянуть на них с высоты птичьего полета, то становится понятным сравнение, оно подобрано действительно метко и точно. Выражение «Река извивается, как гусиные кишки, / Река извивается, как утиные кишки» является синонимичным параллелизмом. В таких параллелизмах слова той или другой половины являются синонимами, хотя взаимная близость слов по смыслу может быть и различной. Отличаемые слова «гусь» и «утка» – синонимы, так как выражают понятие водоплавающей птицы.

Едет он по ней на своей носатой лодке с носом,

Не встречается нога ни одного зверя,
Не встречается крыло ни одной птицы.
Свою лодочку узкую, как лезвие ножа,
Хотел уж повернуть обратно.
Как увидел своими зоркими глазами
Меня, годовалого могучего зверя.
Разгуливал я по берегу реки с берегами.

Сначала богатырю Усың-отыр ойка не встречается «нога ни одного зверя», т.е. не встречаются звери, передвигающиеся на ногах; «крыло ни одной птицы» – крылатые обитатели леса. Выражение «Не встречается нога

ни одного зверя, / Не встречается крыло ни одной птицы» также является синонимичным параллелизмом и выражает понятие живности.

«Носатая лодка с носом» – тавтологическое выражение мансийской поэзии, встречающееся во многих эпических произведениях. На мансийском языке выражение «Носатая лодка с носом» звучит: «Нёлың хап нёлэ». По Б. Мункачи, данный вид тавтологического выражения называется этимологической фигурой, представляющей собой употребление двух слов от одной и той же основы (нёл), причем одно из этих слов является определением с суффиксом обладания -н (нёлың) и не стоит обычно рядом со словом одной с ним основы (нёлэ).

Выражение «лодочка узкая, как лезвие ножа» является сравнительно-описательным эпитетом. Узость носовой части лодки, плавно разрезающей водную гладь, сравнивается с лезвием ножа. Лодки изготавливались из осины, чаще это лодки-долбленки, очень легкие, быстрые в езде. На них охотник-рыбак мог преодолевать большие расстояния как по течению, так и против него.

И вот удача повернулась к охотнику, своими зоркими глазами он увидел на берегу реки медведя. Слово «медведь» заменено одним из его подставных названий – «годовалый могучий зверь». Отметим, что табуированная лексика мансийского фольклорного языка медвежьих песен насчитывает приблизительно 500 слов, из которых более 100 – подставные названия самого медведя. Медведя называют Ялпың-уй «святой зверь», торев «бог», пупакве «божество», вёрт ёлнэ ойка «старик, живущий в лесу», ёпа «дедушка», унт-уй «лесное животное», апши «младший брат», вёр хум «лесной мужчина», нюрум-уй «луговой зверь», квонсын-уй, пункын-уй «когтистое животное, зубастое животное», уй «зверь» и др.

Бросил городской богатырь в меня стрелу
С наконечником, граненным,

как клюв ворона,

Пронзил святилище могучего зверя.

Опустился я на землю

С добрым настроением тихого ветерка.

Усың-отыр ойка выстрелил в медведя граненной стрелой, похожей на клюв ворона. Данное сравнение отражает не только форму

стрелы, но и его размеры. Стрелы размером с клюв ворона предназначались для крупного зверя. Городской богатырь – меткий стрелок, он пронзает стрелой «святителище» медведя – «ялпын мӓ» (букв. «святое место»), т.е. сердце медведя. Раненый зверь уходит из жизни без страха. Понятие «опустился на землю с добрым настроением тихого ветерка» выражает не безропотное повиновение судьбе, а принятие той жизни, которая предначертана Нуми-Торумом. Тело медведя погибает, но дух его останется живым. В этом видится определенная мудрость, помогающая людям отодвигать мысли о страхе смерти.

Подъехала носатая лодка с носом к берегу,
Вышел на берег городской богатырь,
Прицепил меня крючком к кремлевому луку
И перебросил за спину.
Затем садится на средину лодки со срединою
И возвращается домой.

Когда подъехал к пристани города
с пристанью,

То грубо выбросил меня на берег
И там содрал мои священные одежды.
Голову и шкуры искромсал топором
И бросил в маленький чум,
Где живут женщины-роженицы,
Где живут женщины во время менструаций.
Остальное же мясо изрубил на мелкие куски
И выбросил для собак

На средину поселка со срединою.
Снохи городского богатыря
Обтирают о мою шкуру свои грязные ноги,
Снохи городского богатыря
После стирки своей одежды
Льют на мою шкуру грязную воду.
Батюшка Нуми-Торум,
Почему нарек ты меня священным зверем,
Если допускаешь такие издевательства?

Сначала дух медведя был спокоен. Он – священный зверь. Люди будут чтить его святость угощениями, песнями, танцами. Дух могучего лесного зверя ожидал к себе уважительного отношения со стороны людей, ждал праздника, посвященного ему. Но оказалось, что род Усың-отыр ойки не чтит обряда поклонения медведю и празднеств в честь него не устраивал. Богатырь-охотник нарушил устоявшийся веками запрет по отношению к священному

зверю и выбросил его тушу на съедение собакам, а голову и шкуру – в маленький дом (манс. «мань кол»). Возмутился дух оскорбленного зверя, заметался в растерянности. Почему батюшка Нуми-Торум нарек его священным зверем, коль допускает такие издевательства? Нуми-Торум – «верхний Бог», «верхнее небо», «верхний мир». Мир, согласно мансийской религии, имеет семь ярусов, семь пределов. Нуми-Торум – бог, находящийся за первым мировым пределом над землей, над ним возвышаются «Опыль» (от манс. «опа» – дед) и Корс (букв. «высокий»). Между слоями семислойного жизненного пространства имеется определенная связь.

М. Курлин в статье «Некоторые аспекты мировосприятия мансийского народа» отмечает, что «среди множества параллельных имен и постоянных эпитетов Нуми-Торума известны «белый Бог», «золотой свет», «верхний мир» и другие. Братьями и сестрами Нуми-Торума признаются божества – Хотал-Эква (солнце), Этпос-ойка (месяц), Най-эква (огонь), в подземном мире – Хуль-отыр, а также высшее женское божество – Калтащ-Эква» [4, 92]. По сведениям исследователя, места, посвященные Нуми-Торуму, находятся на острове озера Нумто, по протоке Пырсим, по реке Кемпаж. Его боготворят и ему поклоняются все люди.

Медведь обращается к верховному божеству Нуми-Торуму словом «батюшка» (манс. «ашкве», «ягкве»). Такое обращение можно рассматривать как в переносном, так и в прямом значении. Одна из легенд о происхождении медведя гласит: «Живет Нуми-Торум на небе, у него дети. Дочь его просится на землю. Земля сверху кажется гладкой, красивой, как ковер, ей захотелось погулять по ней. В конце концов, отец сажает дочь в серебряную люльку и постепенно (с испытаниями) опускает ее на землю. Оказалось, что земля покрыта густой чащей, болотами, густыми зарослями шиповника, черемухи. Дочь небесной силы не выдерживает мук на земле, превращается в медведицу, идет бродить по лесам, болотам и добывать себе пищу...» [3, 18]. По другой легенде, не выдержав трудностей на Земле, дочь Нуми-Торума становится медведицей. Ее мы можем видеть на ночном небе: созвездие Ма-

лой Медведицы, расположенное, как считают манси, над территорией их проживания.

Однако некоторые манси придерживаются иного мнения, они считают медведя моложе всех своих покровителей – най отыров (богатырей) и по этой причине называют его «апщикве» (букв. «младший братик»), а нижнесосьвинские манси зовут «сасыкве» (букв. «брат нашей матери»).

В тексте, далее, мы встретимся с мифологическим медведем-предком – старшим сыном Нуми-Торума, спущенным с небес в золотой люльке на серебряной цепи, следовательно, обращение медведя к Нуми-Торуму – «батьюшке» – представлено в переносном значении, как призыв помощи, обращенный к верхнему божеству.

Обратимся к табуированной лексике. «Священными одеждами» медведя называется его шкура. «Маленький чум» (дом) (манс. «мань кол») – отдельное маленькое строение, предназначенное для временного, периодического проживания женщин во время родов и менструаций. Е.И. Ромбандеева пишет: «В прошлом женщины манси в физическом и духовном отношении считались по сравнению с мужчиной существом слабым, беспомощным. Ее физическая слабость и психологическая тонкость по сравнению с мужчиной постоянно подчеркивалась не только в повседневной жизни, но и в верованиях народа. <...> Как только наступает половая зрелость девочки (с появлением менструации), она считается сакрально «нечистой» (манс. «икшам»), таящей в себе некую опасность. С этого дня девушка обязана строго соблюдать все требования, поставленные перед нею обычаями, бытом, верой ее народа. <...> Церемонии, кажущиеся на первый взгляд нелепыми, по нашему мнению, предназначены были для остережения, сохранения здоровья женщины-матери, продолжательницы человеческого рода» [3, 100].

«Средина поселка со серединою» – распространенное тавтологическое выражение мансийских фольклорных поэтических произведений.

Кратко осветим ритмику текста как художественного явления мансийского фольклора. А.Н. Баландин в монографии «Язык мансий-

ской сказки» (1939) пишет: «Мы имели возможность наблюдать два вида взаимоотношений стихотворной и прозаической речи. Первый вид: выдержанная ритмованная речь, не нарушаемая вклинивающимися прозаическими отрывками. В данном случае соотношение стиха и прозы будет более внешнее: после стихотворных отрезков следует чистая проза или наоборот. <...> Второй вид: ритм нарушается прозаическими отрывками. Здесь соотношение стиха и прозы более внутреннего характера, так как проза вклинивается в стихотворную речь» [5, 65]. В исследуемом нами тексте строки «Снохи городского богатыря / Обтирают мою шкуру свои грязные ноги, / Снохи городского богатыря / После стирки своей одежды / Льют на мою шкуру грязную воду» на мансийском языке звучали бы примерно так: «Усың-отыр ойка манянэ / Ам сахитёмн паңкын лагланыл сэгэгыт, / Усың-отыр ойка манянэ / Ам сахитёмн паңкын витаныл сосэгыт». В мансийском тексте строго выдерживается ритмованная речь, которая не нарушается вклинивающимися прозаическими отрывками. В данном случае идет параллельное чередование стихов и прозы, соотносящееся с первым видом взаимоотношений стихотворной и прозаической речи (по А.Н. Баландину).

Батьюшка Нуми-Торум,
Смилуйся надо мной
И накажи этого преступника,
Злого городского богатыря!
Разгневанный дух могучего зверя
Отправляется в дремучий лес с темными деревьями.

Обходит он все семь его углов,
Находит все семь его берлог
И созывает весь медвежий род
На войну с городским богатырем.

Разгневанный дух медведя жаждет мщения за нанесенное оскорбление и обиду. Род животных, так же как и человеческий, по представлению манси, мстит за оскорбления, причиненные одному из его членов. Выражением о семи углах леса, о семи берлогах подчеркивается принадлежность медведя к священному животному. Цифре семь в культуре обских угров придается особое значение. В.С. Иванова, ссылаясь и на другие источники, пишет, что

истоки цифры семь связаны с тем, что некогда существовала семеричная система счета. Ею приводится пример: «Число сат – семь, а число 100 назвали яныг сат, что в дословном переводе означает «большая семь» [6, 23].

В исследуемом нами тексте выражение «Семь углов леса, семь берлог» означает «много», «большое количество», «бесконечность».

Идут семь разгневанных медведей
Брать кровавым приступом
Крепость городского богатыря,
Окруженную железными стенами,
Крепость городского богатыря,
Окруженную деревянным частоколом.
Хоть они и подступают к крепости,
Хоть и влезают на ее стены,
Но не трусит и городской богатырь
С многочисленными сыновьями.
Осыпают они их стрелами,
Обрубают их пятипалые лапы с пальцами.

Брать «кровавым приступом» город-крепость Усың-отыр ойки означает, что медвежий род идет на смертный бой. Но действительно крепки стены города, словно сделаны они из железа; отважны воины крепости, как и сам богатырь Усың-отыр ойка.

Выражением «многочисленные сыновья» раскрывается не только кровное родство, речь идет обо всех воинах-мужчинах. В мансийских эпических текстах часто встречаются слова: «Аяң хум сав пыганум» (букв. «Воины-помощники мужчины многочисленные мои сыновья»), вариантами художественных переводов на русский язык могут быть выражения: «Многочисленные мои воины-мужчины», «Мои воины, многочисленные мои сыновья» и т.д.

Не смогли семь разгневанных медведей отомстить людям за оскорбление своего брата, зло оказалось превыше их святости. Суждено было медведям отступить или погибнуть в неравной схватке с родом человеческим, имеющим стрелы и топоры.

Бежит мой разгневанный дух
В образе хвостатой мыши,
Бежит в темные углы дремучего леса.
Обходит он все семь его углов,
Находит все семь его берлог.
Идут на помощь
Еще семь медведей – моих братьев.

Но не тут-то было:

Как только просовывается
Медвежья лапа меж частоколом,
Так сейчас же и пробивает ее
Железный наконечник стрелы.

Отступает с большими потерями медвежий род.

Разгневанный дух медведя «бежит» в образе «хвостатой мыши». Этим образным выражением подчеркивается не только внешнее сходство медведя с мышью, но и то, что мышь является неким младшим братцем могучего зверя. Если же учесть темный окрас мышонка, то с ним можно сравнить и состояние «духа» медведя. Он стал «темным» – «почернел» от горя, что подчеркивает, как велика обида «священного зверя».

Во второй схватке медвежий род опять терпит неудачу. Человеческий род вновь оказался сильнее. Отступают звери с потерями. Не может успокоиться дух медведя. Больно терзают муки от безнаказанности обидчика.

Бегу опять я
В прекрасном образе хвостатой мыши
В дремучий лес с темными деревьями.
- Послушай, батюшка Нуми-Торум,
Городской богатырь
Оскорбил меня, лесного зверя,
Оскорбил меня, лугового зверя.
Если действительно
Ты назвал меня священным зверем,
Если действительно
Назначил хранителем клятвы,
То отомсти за это оскорбление!
Батюшка Нуми-Торум,
Опусти на землю
Моего старшего брата с изогнутой шеей,
Только он может победить городского
богатыря.

Священный дух «хранителя клятвы» просит Нуми-Торума отпустить на землю старшего брата – мифического медведя-предка. «Хранитель клятвы» и «священный зверь» (манс. «ялпың ұй») – подставные названия медведя. В параллелизме «Оскорбил меня, лесного зверя / Оскорбил меня, лугового зверя» эпитеты «лесной зверь» (манс. «унт-ұй») и «луговой зверь» (манс. «нюрүм-ұй») также являются подставными названиями медведя.

Медведь просит Нуми-Торума спустить на землю своего старшего брата – медведя-предка. Выражение «брат с изогнутой шеей» является характерным видом эпитетов художественного языка мансийского фольклора.

Батюшка Нуми-Торум

Опускает с неба на серебряной цепи,

В люльке, сплетенной из древесных корней,

Моего старшего брата.

Осаждает старший брат

Крепость городского богатыря,

Окруженную железными стенами.

Разрушает он крепость городского богатыря,

Окруженную железными стенами.

Разрушает он крепость городского богатыря,

Окруженную деревянным частоколом.

Хоть и мечут богатыри

Стрелы с железными наконечниками,

Да попусту:

Только срывается шерсть на его одежде;

Хоть и пытаются богатыри

Продолжать борьбу с копьями, да попусту:

Отскакивают копы от его одежды.

Смилостивился Нуми-Торум над могучим лесным зверем – хранителем клятвы. Медведь свято хранил и чтит клятву священного зверя. Смилостивился Нуми-Торум и спустил с небес на землю сына своего – медведя-предка. Божественный сын Нуми-Торума разрушает крепость Усың-отыр ойки. Бессильны отважные воины богатыря перед божественной силой, не помогли им «стрелы с железными наконечниками», копы и прочные стены крепости.

Струсил старик – богатырь города

И убежал на задворки города с задворками.

Мчится и мой старший брат

С изогнутой шеей.

Говорит старик – богатырь города:

Если правда убил я хранителя клятвы,

То попробуй перекусить

Железный обух моего топора.

Перекусишь – признаю свою вину.

Перекусывает старший брат

Железный обух топора,

Перетирает железо

В крупинки мелкие, как песок,

В крупинки мелкие, как пыль;

Со страшным ревом,

Готовый пожрать город,

Со страшным ревом,

Готовый пожрать деревню,

Набрасывается на богатыря

И разрывает его в клочья,

Величиной в шкурки туфельные,

Разрывает его в клочья,

Величиной в шкурки рукавичные.

Кай – яй – ю – их!

Заступник медведь-предок успокоил оскорбленный дух медведя. Хоть и хотел схитрить городской богатырь, предложив медведю-предку перекусить железный обух топора, но справедливость все же восторжествовала. Выражение «Перетирает железо / В крупинки мелкие, как песок, / В крупинки мелкие, как пыль» следует понимать, что ложь и обман – это пыль и песок, и сколько бы не было обмана, в конечном итоге истина всегда восторжествует, правда всегда откроется, и никакими препятствиями не остановить пути к справедливости.

Такие произведения, как «Медвежья песня о городском богатыре», помогают людям осознавать свои поступки, призывают к честности, это своеобразное приглашение к почитанию обычаев, к соблюдению традиционных обрядов.

С помощью изучения эпических произведений мы можем судить не только о духовной культуре народа. В текстах зафиксированы ценные сведения и о материальной культуре, помогающие раскрывать «возраст» произведений. Так, в «Медвежьей песне о городском богатыре» мы находим описание древнего поселения – крепости, окруженной деревянным частоколом. Значит, в это время люди жили еще родами, и род Усың-отыр ойки занимался ведением совместного хозяйства. Мы видим и снаряжение охотника – лук и стрелы, и это позволяет соотнести данное эпическое произведение с более древними текстами, созданными 500 и более лет назад. Известно, что с приходом Ермака в Сибирь лук и стрелы постепенно стало заменять ружье – пищаль (манс. «писаль»). Учитывая, что герой песни является предводителем рода и известным богатырем, то в его охотничьем снаряжении ружье появилось бы раньше, чем у других – рядовых охотников. Таким образом, можно предположить, что песня сложена до освоения Сибири русскими. В пользу этого говорит и то, что в более

позднем эпосе поселения-крепости исчезают, люди живут в небольших паулях-дереvuшках на один-пять домов. В это время также «исчезают» «пристани города с пристанью».

Другие предметы материальной культуры, представленные в тексте, встречаются как в ранних, так и в более поздних произведениях: «носатая лодка с носом»; лодка узкая, «как лезвие ножа»; стрела с граненым наконечником; крючок, кремлевый лук; «маленький чум»; копье; железный топор; одежда.

В заключении выделим табуированную лексику – подставные названия, относящиеся к медведю: годовалый могучий зверь, могучий

зверь, священный зверь, лесной зверь, луговой зверь, хранитель клятвы; сердце медведя – святилище; шкура медведя – священные одежды.

Завершим анализ произведения словами Э.И. Мальцевой, раскрывающей значение песни: «Текст медвежьей песни о Городском Богатыре, записанный И.И. Авдеевым, важен и значителен. Песня имеет не только огромную историко-этнографическую ценность, несет и глубокий нравственный заряд, раскрывает смысл соблюдения ритуалов охотника на медведя, знакомит с запрещающими обычаями в культе поклонения медведю, дает представление о мировоззрении манси» [7, 44].

Литература

1. Ромбандеева Е.И. Предисловие // Мальцева Э.И. История изучения мансийского фольклора отечественными исследователями. Ханты-Мансийск, 2000. С. 3-4.
2. Молданов Т.А. Структура медвежьих игрищ // Материалы 5 Югорских чтений. Ханты-Мансийск, 2002. С. 3-13.
3. Ромбандеева Е.И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура. Сургут, 1993. 208 с.
4. Курлин М.М. Некоторые аспекты мировосприятия мансийского народа // Материалы III Югорских чтений. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2001. С. 92-96.
5. Баландин А.Н. Язык мансийской сказки. Ленинград, 1939. 80 с.
6. Иванова В.С. О семантике чисел в духовной культуре обских угров. Ханты-Мансийск, 2002. 34 с.
7. Мальцева Э.И. История изучения мансийского фольклора отечественными исследователями. Ханты-Мансийск, 2000. 96 с.

References

1. Rombandeeva E.I. Predislovie // Mal'ceva Je.I. Istorija izuchenija mansijskogo fol'klora otechestvennymi issledovateljami. Hanty-Mansijsk, 2000. S. 3-4.
2. Moldanov T.A. Struktura medvezh'ih igriw // Materialy 5 Jugorskih chtenij. Hanty-Mansijsk, 2002. S. 3-13.
3. Rombandeeva E.I. Istorija naroda mansi (vogulov) i ego duhovnaja kul'tura. Surgut, 1993. 208 s.
4. Kurlin M.M. Nekotorye aspekty mirovosprijatija mansijskogo naroda // Materialy III Jugorskih chtenij. Tomsk: Izd-vo Tomsk. un-ta, 2001. S. 92-96.
5. Balandin A.N. Jazyk mansijskoj skazki. Leningrad, 1939. 80 s.
6. Ivanova V.S. O semantike chisel v duhovnoj kul'ture obskih ugrov. Hanty-Mansijsk, 2002. 34 s.
7. Mal'ceva Je.I. Istorija izuchenija mansijskogo fol'klora otechestvennymi issledovateljami. Hanty-Mansijsk, 2000. 96 s.